

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Несовершенная история	7
1. Развод.....	19
2. Право голоса.....	49
3. Секс	82
4. Игра.....	115
5. Работа.....	145
6. Безопасность.....	178
7. Любовь.....	215
8. Образование	248
9. Время.....	278
10. Аборт.....	310
11. Право быть Неудобной.....	340
Эпилог. Манифест Неудобной женщины.....	366
Благодарности	370
Список рекомендованной литературы.....	373
Предметно-именной указатель.....	377

Разумный человек приспосабливается к миру; неразумный — упорно пытается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных людей.

БЕРНАРД ШОУ, 1903 г.

Или женщины.

ХЕЛЕН ЛЬЮИС, 2020 г.

ВВЕДЕНИЕ. НЕСОВЕРШЕННАЯ ИСТОРИЯ

Что такое неудобная женщина? Это не значит грубая, безрас- судная, неприятная или капризная. Неудобство — это в пер- вую очередь нечто трудное для понимания, и в этой книге множество таких женщин. «Черно-белый» подход к истори- ческой личности упрощает и обедняет ее. Люди — непро- стые создания, каждый из нас по-своему «проблематичен». В этой книге вы познакомитесь с женщинами, взгляды кото- рых неприемлемы для сегодняшних феминисток. Вы узнаете о женщинах, чьи взгляды были неприемлемы и для их со- временников. История феминизма не должна лакировать об- разы пионерок нашего движения или вовсе вымарывать их имена из истории, если их прегрешения представляются чрез- мерными. Стоит позволить им быть столь же несовершен- ными — столь же человеческими, — как и мужчины. «Почему молодым девушкам предписано походить на ангелов? — пи- сала Мэри Уолстонкрафт. — Чтобы их еще больше унижали?» Совсем не обязательно быть совершенством, чтобы заслу- жить равные права.

Выбирать ролевую модель — это неплохая практика, но идолопоклонничество в феминизме может свести ради- кальное политическое движение к слащаво-глянцевой ре- кламной картинке. Несколько подмеченных исключений

из общего правила не заменяют критику самого правила, и в попытках представить женщин в лучшем свете мы фактически переписываем историю. Возьмем безумно популярную детскую книгу «Сказки на ночь для юных бунтарок», которая разошлась тиражом более миллиона экземпляров*. В ней сто историй, которые «придают сил, волнуют и вдохновляют» женщин, и в аннотации сказано, что это «волшебные истории героинь, которые определенно не нуждаются в том, чтобы их спасали». В рассказе о модельере Коко Шанель написано, что она хотела открыть свое дело «и состоятельный друг одолжил ей денег, чтобы эта мечта осуществилась». Там не упоминается о том, что Коко была любовницей офицера СС, а возможно, и шпионкой гитлеровской Германии. В 1930-е годы она пыталась выдать своего «состоятельного друга» из компании, используя расистский закон, согласно которому евреям запрещено было вести бизнес. Ради того, чтобы вдохновить девочек, живущих в мире, где всем заправляют мужчины, биографию Коко Шанель в книге даже не ретушируют — из нее попросту вымарывают целые куски. Как вам кажется, содействие нацистам в военное время может вдохновлять? Я думаю, нет, — однако эта героиня действительно создает впечатление, что «ее не нужно спасать». Настоящая Коко Шанель была умной и предвзятой, одаренной, циничной и — интересной. Ее бледная копия, отмытая дочиста, до светлого образа феминистской святой, не интересна никому.

Такой подход простителен в детской книге, но подобная потребность у взрослых людей настораживает. Мы не можем прославлять женщин, очищая наш рассказ от политики — а значит, и конфликтов. Разверните транспаранты и не задавайте лишних вопросов! Так складывается история фе-

* Фавилли Э., Кавальо Ф. Сказки на ночь для юных бунтарок. — М.: Бомбора, 2018. (Цифры продаж указаны для оригинала: Favilli E., Cavallo F. Goodnight Stories for Rebel Girls. — *Прим. ред.*)

минизма, где наши противники или предстают забавными карикатурами, или почему-то исчезают, где не было ни сложных компромиссов, ни внутренних противоречий. В ней Единственно Верный Путь очевиден и все Хорошие Люди идут в этом направлении. Феминистки находятся в авангарде истории, и осталось только дожидаться, когда все остальные нас нагонят.

В жизни этого не происходит. Все было бы куда проще, если бы для триумфа феминизма требовалось победить лишь пару нелепых монстров. Однако такие гротескные сексисты, как Дональд Трамп, оказываются у власти, потому что за них голосуют. Многие женщины выступали против суфражизма; женщины — основные потребители журналов и сайтов, где другим женщинам указывают на их физические изъяны; за право на аборт одинаково голосуют мужчины и женщины. Люди сложны — и у прогресса сложные пути. Если современный феминизм выглядит беззубым, то лишь потому, что феминистки либо славят женщин, либо борются с откровенными подонками. Мы не готовы иметь дело со сложностью, а потому не способны ничего изменить к лучшему.

История женщин не должна превращаться в поиск безупречных героинь. Я часто вижу, как одни феминистки осуждают других за то, что те любят Панкхерстов (аристократов), Андреа Дворкин (слишком агрессивная), Джейн Остин (слишком буржуазная), Маргарет Этвуд (ее в случаях домогательств волнует в первую очередь соблюдение судебных процедур) и Жермен Грир (с чего бы начать?). Недавно я читала статью, в которой писали, что я «создаю лишние проблемы», выражая сочувствие Бретту Кавано, представленному к назначению в Верховный суд США. Мое преступление заключалось в том, что я назвала заседание, где утверждали его кандидатуру, «медийным цирком», которого не заслуживает

даже обвиняемый в сексуальных домогательствах*. Критика показывает, что люди отчаянно хотят видеть простые решения сложных вопросов. Борьба несовершеннолетних людей в сложно устроенном мире больше не нужна, есть только «плохие парни» и «хорошие парни», и их легко отличить друг от друга. Это наивная и слабая позиция, которой следует противостоять. Я хочу восстановить портреты первых феминисток во всей их сложности и неоднозначности. Их наследие может быть пересмотрено, возможно, они выбирали неудачные стратегии или не руководствовались в жизни собственными идеалами. Но они важны для нас. Их сложность — это часть нашей истории.

У слова «неудобный» есть и другой смысл. Выступая за свои права, вы всегда встретите противодействие, а прогресс всегда чреват ответной реакцией и откатом назад. Менять мир — это сложно. В мае 2018 года, ожидая в Дублинском замке результатов референдума по закону об абортах в Ирландии, я увидела плакат: «Без борьбы нет прогресса». Это слова Фредерика Дугласа, американского борца с работорговлей. Он пытался объяснять людям, что «права не дают, права берут». Иными словами, активисты должны сами действовать решительно. Их не может удовлетворить ответ «нет». «Те, кто говорят, что любят свободу, но выступают против активной борьбы за нее, хотят собрать урожай, не вспахав поле, — утверждал Дуглас. — Они хотят дождя без молнии и грома. Они хотят, чтобы в океане не ревели могучие воды». Если вы меняете мир, люди не станут любить вас за это. Это будет причинять вам боль. Это тяжело. Вам придется бо-

* 16 сентября 2018 года профессор психологии Кристин Форд (Christine Blasey Ford) обвинила Кавано в сексуальных домогательствах и попытке изнасилования. По ее словам, это произошло в начале 1980-х годов, когда они были несовершеннолетними подростками (Кавано тогда было 17 лет, Форд — 15). В течение той же недели еще две женщины сообщили о домогательствах со стороны Кавано. — *Прим. науч. ред.*

роться. Вы должны осознавать, на какую гору взбираетесь, и все равно пойти ее покорять.

Кроме того, быть женщиной вообще сложно. Женщинам всегда нелегко соответствовать миру, который построен для мужчин. Симона де Бовуар называла нас «вторым полом». Наши тела отличаются от мужских, которые считаются эталоном. Наши сексуальные желания традиционно изображали как изменчивые, неясные и непредсказуемые. Наш жизненный опыт остается загадочным и непостижимым; наш разум — это «темный континент» Фрейда. В дуалистической картине мира мы находимся на его «неправильной» стороне. Мужчины серьезные, женщины глупые. Мужчины рациональные, женщины эмоциональные. Мужчины сильные, женщины слабы. Мужчины стойкие, женщины переменчивые. Мужчины объективны, женщины субъективны. Мужчины — это человечество в целом, а женщины — его подмножество. Мужчины хотят секса, а женщины «дают» или отказывают. Мужчины смотрят, а женщины — те, кого рассматривают. Когда мы оказываемся жертвами, нам с трудом верят. «В сердце феминистской борьбы за то, чтобы изнасилование на улице, свидании, в браке, домашнее насилие и домогательства на рабочем месте считались преступлениями, была необходимость сделать так, чтобы женщинам доверяли, чтобы их слышали, — писала Ребекка Солнит в статье «Мужчины объясняют все» (Men who explain things). — Миллиардам женщин на этой планете, где проживает шесть миллиардов человек, говорят, что они не являются надежными свидетелями собственной жизни, что за ними нет и не будет правды». Борясь за равные права, женщины часто наталкиваются на стену недоверия: существует ли проблема, если о ней говорят только женщины? Мы же знаем, насколько женщины неразумны.

Наконец, есть еще одно значение понятия «неудобная женщина», которое я хочу выделить в этой книге. Любую

историю феминизма следует начинать с признания того, что большинство революционеров... не самые приятные люди. А женщинам всегда говорили, что нужно быть приятными. Девочек учат вести себя как «леди», т. е. быть тихими и послушными. («Из платочков и клубочков, из загадок и мармеладок сделаны наши девчонки».) Материнство превозносится как путь бесконечного самопожертвования. Случайные люди на улице бросают нам: «Чего такая хмурая? Улыбайся!», а то, не ровен час, выражение нашего лица испортит настроение встречному. Если мы повышаем голос, нас называют «крикливыми». Наши амбиции вызывают подозрения. Наш гнев изображается неестественным, жутким, безобразным: кто будет слушать «клячу», «истеричку» или «злую черную гримзу»? И от этого мучительно трудно шагнуть вперед, и во весь голос заявить о проблемах, и продвигаться к культурным и законодательным реформам.

*

Мое любимое определение феминизма дала автор из Нигерии Чимаманда Нгози Адичи. По ее словам, феминистка — это та, кто верит в «социальное, экономическое и политическое равенство полов». Это звучит прямолинейно, но феминизм невероятно сложен. Я решила написать эту книгу, потому что я устала от этой сложности. Когда я думаю о четвертой волне, всплеске активизма, который происходит с начала 2010-х годов, мне кажется, что мы начали поздравлять друг друга слишком рано, ведь настоящих побед крайне мало и в феминизме наступил застой. Во всем мире, от Владимира Путина в России до Нарендры Моди в Индии и Жаира Болсонару в Бразилии, популисты и националисты настаивали на возвращении к традиционным гендерным ролям. Президент США хватал женщин за киску — ведь «когда ты звезда, они не возражают». Движение #MeToo свелось к разговорам о спорных случаях и не привело к существенным правовым

реформам. Право на аборт находится под угрозой в Восточной Европе и на юге США и отсутствует в Северной Ирландии. Случаи групповых изнасилований потрясли Индию и Испанию. Бесплатные общедоступные детские сады и ясли остаются столь же далекой мечтой, какой были в 1970-е годы.

Были у меня и свои тревоги. Мне казалось, что феминистское движение раздроблено как никогда ранее, и это препятствует прогрессу в конкретных вопросах. В феминизме стали слышны сплошные маргиналы и нет фокуса. Бури в Твиттере и культура мгновенного осуждения напугали сексистов-рекламодателей и неводержанных на язык политиков, но стоит ли за всей этой шумихой реальное движение вперед? «Культура отмены» убедила нас в том, что репутация любой феминистской иконы хрупка и недолговечна. Часто мы едва успеваем вознести новую героиню, как уже повергаем ее во прах. «Сестринство — это мощная сила, — сказала однажды активистка второй волны Ти-Грейс Аткинсон. — Оно убивает. В основном сестер». Феминизм часто увязал в мелких спорах, и я заметила, что молодые женщины преуменьшают достижения своих предшественниц. «Отмените вторую волну», гласил один заголовок. Когда я говорила на одном мероприятии о битвах за равную оплату труда и о приютах для жертв домашнего насилия, двадцатилетняя женщина небрежно бросила в ответ: «Да, но все это давно улажено».

Мне трудно винить этих женщин, потому что раньше и я посматривала свысока на вчерашние битвы. Но, все больше погружаясь в материал, я осознавала истинные масштабы достижений феминизма и трудности, которые пришлось преодолеть тем, кто был первыми. Я все больше уважала их и все более сочувственно относилась к компромиссам, на которые они пошли. Я пыталась представить, каково им было — выживать в сексистском офисе 1960-х годов, отбиваться от приставаний и помогать тем, кто слабее. Могла ли я стать такой толстокожей, чтобы утверждать, что женщины не должны

больше считать себя жертвами? Возможно. Я пыталась поставить себя на место викторианских реформаторов образования, которые учреждали женские колледжи. Я решила, что, как и они, я, наверное, подчеркивала бы респектабельность образования, вместо того чтобы изображать его как радикальную, освобождающую силу. Стала бы я бросать бомбы или терпеть пытки в тюрьме, чтобы получить право голоса? Я сомневалась в этом. Рассорилась бы я с другими феминистками? В этом я совершенно уверена.

Все это заставляло меня думать о том, как мы дошли до сегодняшнего момента, в надежде понять, куда двигаться дальше. Какие стратегии работают? На какие жертвы стоит идти ради благих целей? Какие альянсы позволительны на пути к общему благу? Что нужно сделать женщинам, чтобы к ним относились как к полноценным гражданам, как к независимым людям, как к главным действующим лицам в пьесе их собственной жизни? Нам все еще платят меньше. Мы все еще выполняем больше неоплачиваемого труда. Нас все еще насилюют и убивают, мы все еще подвергаемся жестокому обращению со стороны мужчин. Нас все еще учат ненавидеть наше тело. Мы все еще умираем из-за того, что исследования снотворного и ремней безопасности не проводятся с учетом особенностей женского тела. Мы все еще недостаточно представлены в политике. Женщины все еще составляют только треть говорящих персонажей в голливудских фильмах. Феминизм выиграл много сражений, но война еще не окончена.

Чтобы собрать все истории воедино, друг предложил назвать книгу «Неудобные женщины». Это было тем летом, когда Тереза Мэй баллотировалась в лидеры партии консерваторов, а ее опытного соперника-парламентария Кена Кларка поймали (восхитительно) в ходе живого выступления на том, что он назвал ее «чертовски неудобной женщиной». Американская феминистка Роксана Гей использовала эту фразу как название сборника рассказов 2017 года. Под этим же назва-

нием вышли и мемуары Дэвида Планта о Соне Оруэлл, Жермен Грир и Жанне Рис, опубликованные в 1983 году, — когда я только родилась.

Повсюду появлялись Неудобные женщины. Слово звучало вновь и вновь, когда женщины пытались показать, как их наказывают за то, что они заявляют о сексизме. Телеведущая Хелен Скелтон описала, как один из собеседников в прямом эфире облапал ее, когда она была беременной. По словам Скелтон, она не стала жаловаться на обидчика, потому что «такова культура, которую порождает телевидение. Никто не хочет быть неудобной женщиной». Актриса Дженнифер Лоуренс рассказала голливудскому репортеру, что однажды она дала отпор грубому режиссеру. После этого продюсер отозвал ее в сторону и назвал «неуправляемой». Инцидент заставил ее тревожиться, что она будет отвергнута киноиндустрией. «Точно, — заметила коллега Дженнифер, актриса Эмма Стоун, насмешливо комментируя упрек продюсера. — Ты была “неудобной”». Все эти люди транслируют одну и ту же идею, которая впечатывается в нас с рождения: женщин считают неразумными, эгоистичными и мужеподобными, когда они осмеливаются постоять за себя. «Я сама никогда не могла понять, что такое феминизм, — писала Ребекка Уэст в 1913 году. — Я знаю только то, что люди называют меня феминисткой всякий раз, когда я выражаю чувства, которые отличают меня от коврика под дверью или от проститутки».

*

История феминизма в более привычном понимании, пожалуй, должна была бы начинаться в 1792 году с книги Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» (*A Vindication of the Rights of Woman*). Но я не историк, и моя книга не историческая. Как и многие женщины, я пришла к феминизму через острое ощущение несправедливости отдельных аспектов моей жизни, которое я была неспособна внятно выразить.

Феминизм дал мне язык для осмысления моего опыта и того, что я видела вокруг. Он дал мне понять, что я не одинока. Он заставил меня почувствовать гнев за всех тех женщин, которые не смогли реализоваться из-за несправедливых законов и практик. Он познакомил меня с самыми хорошими и яркими людьми, которых я знаю.

Я хочу разобрать феминизм на винтики и досконально изучить механизм, который делает его столь мощной силой. Рассматривая разные битвы: за право голоса, за право на развод, за возможность учиться в университетах, — я хочу показать, как происходят перемены и как много еще предстоит сделать. Мы также увидим досадные компромиссы, внутренние конфликты и ту ответную реакцию, которая сопровождает любую попытку изменить статус-кво. Выбирая определенные битвы и конкретных женщин, я сосредоточилась на Британии, моей родной стране, но многие модели, аргументы и противоречия универсальны. Британский феминизм сформирован не только отсутствием у нас единой конституции, нашей парламентской системой и официальным статусом христианской страны. На него влияли и более глобальные явления, такие как иммиграция, снижение рождаемости и выход женщин на рынок труда. Я старалась не касаться утомительных онлайн-баталий, таких как ритуальные споры вокруг языка*, потому что слова не так важны, как действия. Моя галерея портретов неудобных женщин эклектична, но все они были главными действующими лицами в различных битвах. У каждой из них есть чему поучиться, и нам не стоит вымарывать из их биографий сложности.

Никто не может написать окончательную историю феминизма — есть много историй и много феминизмов. Тем не менее нужна смелость, чтобы вообще выбрать какой-то тип

* В Британии нет спора о феминитивах, но есть дискуссии об использовании разных терминов, например, как верно говорить: «проституция» или «секс-работа». Тут речь о таких спорах. — *Прим. науч. ред.*

истории. Мы живем в крайне индивидуалистическую эпоху, и женщины часто остерегаются говорить о чем-то, кроме собственного опыта. Возможно, это благоразумно и безопасно, но это также злоупотребление привилегиями со стороны тех, кто ими обладает. Мы не должны говорить от имени других женщин, но мы не можем ограничиться разговором только о себе. Миллион разрозненных воспоминаний не делают истории. Чтобы добиться политического прогресса, мы должны относиться к женщинам не просто как к собранию отдельных людей. Мы — это класс, который объединяют общие проблемы и который разделяют различия. Феминизм должен быть достаточно открытым, чтобы принимать тот факт, что принадлежность к таким группам, как «лесбиянки», «мигрантки», «неверные жены», может мешать женщинам не меньше, чем их гендер. Нет универсального способа быть женщиной, нет универсального образца женственности. Многие крупные битвы, которые до сих пор бушуют, так же осложняются различиями между женщинами, как и различиями между нами и мужчинами.

Чего не хватает этой книге? Множества вещей — в этом и суть. Это неполная, несовершенная, личная история феминизма, и я надеюсь, что пробелы в ней выглядят не как недочеты, а как приглашение к диалогу. Я с нетерпением жду других историй.

Но начать придется с себя — сидящей в ресторане и размышляющей о том, как получить развод.

1. РАЗВОД

Вы не узнаете мужчину, пока не разведетесь с ним.

ЖА ЖА ГАБОР

Не помню, какой был день и месяц, но помню, где это было: в суши-баре торгового центра «Вестфилд Стратфорд», Восточный Лондон. Мне не было и тридцати. Я осознала, что больше не хочу быть его женой, и рассказала об этом своей лучшей подруге Лоре. Оставалась только одна проблема. *Как получить развод?*

Через несколько минут интенсивного поиска в *Google* мы нашли три основания для относительно быстрого развода: уход из семьи, неадекватное поведение или измена. Все эти варианты предполагали, что один из партнеров берет на себя вину за крушение брака. Если развестись хочется без взаимных обвинений, нужно два года проживать раздельно — или пять лет, если ваш супруг оспорит решение.

На момент замужества мне было двадцать лет с небольшим. Белая девушка из среднего класса, с ученой степенью и собственной колонкой в журнале — все это распаляет амбиции и дарит чувство превосходства. На работе мне уже давали административные функции: у меня в подчинении было

полдюжины человек, и периодически я писала им: «Свяжитесь со мной по такому-то вопросу». И все-таки я вступила в брак, не обременяя себя раздумьями о том, как буду из него выбираться.

Мне невероятно повезло: мой теперь уже бывший муж оказался вполне джентльменом, и мы закончили отношения и разорвали брачный контракт со всем возможным уважением и с тем минимумом разногласий, который возможен в данной ситуации, — благо у нас не было ни общего имущества, ни детей. Но подавляющее большинство женщин в истории могли только мечтать о том, что мне удалось осуществить в 2013 году, потому что развод означает для женщин нечто особенное. Он означает, что общество считает вас полноправным гражданином, самостоятельным человеком.

Будь моя воля, история бракоразводных законов была бы столь же хорошо известна, как борьба за однополые браки. До 1870 года, когда был принят Закон о собственности замужних женщин, юридический статус женщины менялся у алтаря: из *feme sole* (в переводе с нормандского «одинокая женщина») она превращалась в *feme covert* («покрытая», или замужняя женщина). С этого момента она больше не могла управлять имуществом, подавать судебные иски или участвовать в судебных процессах, зарабатывать собственные деньги, составлять завешание или подписывать договоры. До 1926 года английские женщины не могли владеть собственностью наравне с мужчинами.

Согласно традиционному определению, брак предполагал «единство», но не равенство супругов: женщины находились на иждивении, и их юридический статус был не выше, чем у ребенка. Как писал английский судья Уильям Блэкстоун в 1765 году, «в браке муж и жена — это юридически одно лицо; иначе говоря, самостоятельное существование

или, точнее, юридический статус женщины в браке приостанавливается или как минимум становится частью статуса ее супруга: во всех аспектах жизни она находится под его опекой, защитой и покровительством». Муж не мог ничего подарить жене, добавлял Блэкстоун, ведь «подарок предполагает ее отдельное существование».

*

Спустя семьдесят лет Каролина Нортон приходит к схожим выводам. «У женщины нет личного предназначения, это очевидно, — пишет она в 1836 году. — Она принадлежит тому, кого ее поведение может так или иначе дискредитировать». Муж Каролины, Джордж Нортон, отказывался принять финансовое соглашение, которое гарантировало бы их раздельное проживание. Пока супруги жили вместе, Джордж избивал жену так, что приходилось вмешиваться слугам. Когда она ушла, он продал ее имущество и не давал видеться с детьми. Но она продолжала противиться воссоединению, и он подал на Каролину в суд, обвинив ее в адюльтере с давним другом, премьер-министром лордом Мельбурном. Этот скандальный судебный процесс обнажил сущность викторианского брака как формы собственности.

Каролина Нортон, по общему признанию, была деятельной и обаятельной женщиной. Она дружила с литераторами и философами, писала повести и рассказы. Чарльз Диккенс говорил, что Каролина и ее сестра — «любимицы богов»; в нее был влюблен художник Эдвин Ландсир. Джордж, напротив, был несостоятелен и как адвокат, и как человек. Он частенько вымещал досаду на своей остроумной, популярной жене. Ее дружбу с лордом Мельбурном он поначалу поощрял, рассчитывая, что она сулит ему продвижение по службе и благосклонность общества, но затем начал ревновать. Это известная опасность: мужчина, думая, что женщина ему «принадлежит», пытается управлять ее телом

или умом ради наживы*. В общем, Джордж подал на жену в суд за измену.

Историк Дайан Аткинсон в книге «Преступные беседы миссис Нортон» (*The Criminal Conversation of Mrs Norton*) подчеркивает сексистский аспект иска против Каролины. Если она была с другим, значит, ее муж был лишен «семейной гармонии и любви», которые причитаются ему по закону. По брачному контракту Джордж практически приобретал эксклюзивные права на влагалище жены. Ограничение этих прав было преступлением столь серьезным, что он запросил компенсацию в 10 000 фунтов — миллион по сегодняшнему курсу — за причиненный ему ущерб. Все адвокаты, судья, освещавшие процесс репортеры были мужчинами; единственные женщины в этом деле — служанки Каролины Нортон, которых пригласили дать показания против нее. Каролина ни разу не явилась в суд; она скрывалась от любопытных глаз в имении своей матери в Хэмптонкорте.

Ведущий адвокат Джорджа Нортон, сэр Уильям Фоллетт, пообещал, что выставит напоказ грязное белье этой пары — в буквальном смысле слова. В 1830-е годы ночная сорочка Каролины Нортон стала так же знаменита, как в 1990-е — синее платье Моника Левински со спермой Билла Клинтона. По словам Фоллетта, на сорочке были «те самые следы, что остаются после соития». Одна из служанок была вынуждена дать показания, что Каролина румянилась перед визитами лорда Мельбурна. Извозчик рассказал в суде, что видел, как Каролина лежала на полу, оголив «мясистую часть бедра», а премьер-министр сидел рядом на стуле; команда адвокатов Мельбурна заявила, что извозчик — подкупленный пьяница. (Защита во многом строилась на утверждениях, что показания слуг в этом деле ненадежны и не заслуживают

* Отчасти история Каролины напоминает мне то, как Дженна Джеймисон описывала бойфрендов/менеджеров порноактрис, которые видят в своих партнершах источник пропитания и одновременно ревнуют к их славе.

доверия.) Генеральный прокурор сэр Джон Кэмпбелл сказал, что Джордж и Каролина спали вместе и после якобы свершившейся измены, а ведь «каждый знает: если женщина завела любовника, на супруга она смотрит свысока, с ненавистью и омерзением». Разбирательство длилось девять дней 1836 года, и наконец в 11:40 вечера был вынесен приговор: суд присяжных отклонил иск Джорджа Нортон. Никакого ущерба он не понес.

Однако репутация Каролины Нортон была запятнана навсегда. Никто не сомневался, что она флиртует, если не спит, с другими мужчинами, в том числе с самим лордом Мельбурном. К тому же после суда оказалось куда *сложнее* получить развод. Ее признали невиновной в измене, и теперь, чтобы добиться законного расторжения брака, нужно было доказать, что *Джордж* переспал с другой. «Они были прикованы друг к другу, пока смерть не разлучит их, — пишет Аткинсон. — Уехав и проживая отдельно, Каролина автоматически лишалась права видеться с детьми, и в этом Джордж был непреклонен. Каролина не могла изменить взгляды мужа, поэтому она стала менять закон».

В некотором смысле мы должны быть благодарны Джорджу Нортону. Он оказался таким конченным мудаком*, что просвещенная общественность почти единодушно приняла сторону Каролины. «Мой муж любит делать мне милые комплименты: например, он сказал, что все посвященные в это гнусное дело были на моей стороне, потому что я обаятельная, а не потому, что я права», — писала она. Каролина определенно была умнее мужа. Когда Джордж заявил, что у нее нет права распоряжаться финансами, она стала выдавать долговые расписки, а затем говорила кредиторам, чтобы те подавали иски на его имя.

* Выражение *spherical bastard* придумал швейцарский астрофизик Фриц Цвикки для описания людей, которые ведут себя как убудки, с какой стороны ни взгляни.

Когда судебное разбирательство закончилось, Каролина написала Мэри Шелли, дочери одной из первых феминисток Мэри Уолстонкрафт, что «мужские законы, которые делают женщин беспомощными париями», приводят ее в ярость. После суда она проснулась знаменитой — в самом неприятном смысле слова. О ней писали в газетах, ее высмеивали карикатуристы, но ей не давали говорить за себя. К тому же она не могла увидеть детей — семилетнего Флэтчера, пятилетнего Бринсли и трехлетнего Уильяма Чарльза; она боялась, что муж станет жестоко обращаться с младшими, если решит, что их настоящий отец — лорд Мельбурн.

Она подавала прошения о совместной опеке — чтобы иметь возможность забирать мальчиков на половину школьных каникул, а не на случайно выпадающий час-другой с разрешения супруга. Ее прошение отклонили. Когда мальчики оказывались в Лондоне, она бродила по парку Сент-Джеймс в надежде их увидеть. Один раз ей удалось уговорить лакея, и он впустил ее в дом, пока не было Джорджа. Но в августе тот увез мальчиков в Шотландию к своей сестре Грейс; Каролина пришла не на тот причал и не смогла даже попрощаться с ними. Когда дети приехали в дом Грейс, та поколотила старшего, Флэтчера, застав его за чтением письма от Каролины. В наказание за небольшую провинность Бринсли раздели догола, привязали к кровати и высекли. Джордж использовал детей как оружие против Каролины. Это была месть за ее «сложный характер»: за непослушание, за флирт с другими мужчинами, за то, что она выставила мужа на посмешище.

В несчастном браке Каролина вносила свою лепту в семейный бюджет, публикуя романы, такие как «Печали Розали» и «Бессмертный». Теперь она писала памфлеты о положении женщин. «Я думаю, “слабому полу” пора узнать, что есть такой закон, который не дает им права на собственную плоть и кровь», — писала она Мэри Шелли. Ее сестра

Джорджия не советовала Каролине писать столь гневные памфлеты, но та сочла, что сдержанность и учтивость будут выглядеть слабостью.

В трактате, посвященном законам об опеке, Нортон продемонстрировала, что мужчины используют детей, как пешки. «Закон не в силах обеспечить женщине хотя бы эпизодические встречи с детьми, даже если она докажет, что муж ее избивал или завел любовницу, — писала она. — Право отца на опеку абсолютно и непреложно, а притязания матери его не заботят, словно ее попросту не существует». Нортон писала, что «бастардов» — внебрачных детей — до семи лет растят матери, но женатый отец может забрать их силой *«даже в грудном возрасте»* (курсив автора). Поэтому жена, даже если муж ей изменял, бил или иным способом делал их брак невыносимым, все же неохотно расставалась с ним. И хотя уход женщины уязвлял мужскую гордость, в бракоразводном процессе закон тем не менее отводил мужчине роль «обвинителя и судьи». Мужья, «без сомнения, обозлены, оскорблены, в девяти из десяти случаев *жаждут возмездия* за реальный или воображаемый ущерб. И этим ожесточенным, исполненным ярости людям закон вручает то, что едва ли может быть доверено кому-либо из людей и в спокойнейший час его жизни, — **ДЕСПОТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ!**»

*

После суда Джордж годами мучил Каролину, то разрешая, то запрещая видеться с детьми. Она встречалась с ними нечасто, поскольку он все время менял условия и требования. Впрочем, постепенно памфлеты и настойчивость Каролины возымели действие. По результатам дела Нортонов в парламенте начали обсуждать новый закон. Он давал матерям право опеки над детьми до семи лет и гарантировал возможность видеть их впоследствии. Законопроект вызвал мощное сопротивление в палате лордов, которые усмотрели

в нем нападки на традицию брака, а следовательно, на все патриархальное общество. В одной газете Каролину называли «известной пропагандисткой», а она отвечала, что «красота и добродетель женщины главным образом зависят от того, насколько осознанно она подчиняется мужчине». Для того чтобы законопроект приняли, ей нужно было выглядеть добропорядочной и безобидной леди.

В 1839 году члены парламента приняли закон об опеке над малолетними детьми; Дайан Аткинсон называет его «первым феминистским законодательным актом в Великобритании». Отныне женщины, не обвиненные в «преступной связи» (неверности), могли законно видеться с детьми, проживая раздельно с супругом или после развода. (Если, конечно, они были достаточно состоятельны, чтобы отстоять это право в суде.) К несчастью, этот закон действовал только в Англии, Ирландии и Уэльсе, тогда как сыновья Каролины Нортон проживали в Шотландии.

Супруги продолжили игру в кошки-мышки. В 1840 году Каролина сняла коттедж на острове Уайт, и Джордж обещал прислать к ней детей. Он их не прислал. Она написала ему письмо, и на этот раз он предложил ей встретиться с детьми в Лондоне. Он их не привез. Каролина узнала, что дети находятся в одной английской школе-пансионе, и отправилась туда. Ее не пустили к ним. В сентябре 1842 года младший сын Каролины поцарапал руку, упав с лошади в усадьбе отца в Кеттлторп-холле, и заболел столбняком. К моменту прибытия Каролины ее девятилетний сын уже лежал в гробу. Вот его последние слова отцу: «Похоже, я умираю. Скоро я задохнусь, помолись за меня».

Судя по всему, смерть ребенка вызвала у Джорджа подобие раскаяния, потому что Каролина получила разрешение провести Рождество с двумя оставшимися в живых сыновьями, а впоследствии они стали видеться чаще. Флэтчер заболел туберкулезом и был отправлен на лечение в Лиссабон, Бринсли

уехал учиться в Оксфорд. Дети выросли, и Джордж уже не мог запретить им видеться с матерью. Тем не менее Каролина продолжала свою кампанию, и законодательство постепенно менялось. Закон о браке 1857 года разрешал проводить слушания дел о разводе в местных судах, а не в парламенте. Однако мужья оставались в сильной позиции, так как им для развода достаточно было измены; женам для этого требовалось доказать иной «ущерб», например инцест, жестокое обращение или уход к другой женщине. Эти двойные стандарты были устранимы только с принятием Закона о браке 1923 года.

В начале и середине XX века реформы продолжались, и сегодня в Англии и Уэльсе, по данным Национальной статистической службы, разводится более 100 000 пар в год. В долгу у Каролины Нортон не только те женщины, которым удастся получить развод, но и те, кто еще только готовится вступить в брак. Ее кампания изменила значение брака для женщин: он перестал быть сделкой купли-продажи и постепенно превращается в договор двух равных партнеров.

Каролина Нортон — непростая героиня для современных феминисток. «Для женщины естественно подчиняться мужчине, — писала она. — Аминь! Так завещал нам Бог, а не человек. Я никогда не поддерживала варварскую и смешотворную идею о равенстве полов». По ее словам, она лишь тень своего мужа, «как луна в облаках рядом с ярким солнцем». Ее аргументация строилась на традиционных представлениях о святости и жертвенности материнства и о собственном социальном статусе. Она хотела жить лучше, чем прислуга или падшие женщины, имевшие внебрачных детей. Сегодня мы назвали бы это политикой добропорядочности — верой в то, что маргинальные группы могут избежать дискриминации, изображая «респектабельность». Это опасная ересь, ведь власть имущие определяют, что считать хорошим поведением. Права должны быть всеобщими

и не зависеть от того, симпатичен ли истеблишменту человек, который борется за свои права. Иначе не избежать возражений: «Извините, мы бы и рады вам помочь, но вы ведете себя невыносимо...»

*

Мой развод был далеко не таким тяжелым, как у Каролины Нортон, но все-таки довольно унижительным опытом. В свадебной индустрии вращаются миллиарды фунтов, однако в журналах и на интернет-форумах, где женщины называют себя «будущими миссис Х», ничего не говорится о механике разводов. Дело не в том, что они не приносят прибыли, — я могу показать таунхаусы в Ридженси, заработанные адвокатами на бракоразводных процессах, — а в том, что это до сих пор считается позором. Развод — это личная неудача.

Конечно, после развода я чувствовала себя неудачницей: словно своими руками разбила рамку с фотографией счастливой жизни. Я разочаровала родителей. Пятеро или шестеро друзей отвернулись от меня. Мне казалось, все вокруг видит, что я сняла с руки обручальное кольцо, хотя вряд ли хоть кто-то это заметил. Поженившись, мы взяли двойные фамилии, так что мне пришлось менять документы. Это ощущалось как публичное признание личного позора.

Когда в 2015 году я снова вышла замуж, то наотрез отказалась брать фамилию супруга. Если имя вообще может быть чьим-то, то мое имя — Хелен Льюис. Да, Льюис — это фамилия моего отца, она передается по мужской линии, но я ношу ее с рождения. Так зовут *меня*. Да и какие, собственно, другие варианты есть у женщины? Гражданский активист Малькольм Икс* вообще отбросил свою фамилию — он писал в автобиографии: «“Икс” заменил мне Литтл, фамилию белого рабовладельца, которой некий голубоглазый дьявол заклеил

* Американский активист за права темнокожих. — *Прим. науч. ред.*

всех моих предков по отцовской линии». Но многие ли из нас пойдут на такой радикальный шаг? Одна знакомая пара перемешала свои фамилии и получила новую; это также решило проблему с именем детей*.

Традиционное восприятие брака как формы владения имуществом великолепно отражают имена из «Рассказа служанки» Маргарет Этвуд: Фредова, Уорренова, Гленова. Это патронимы: к имени хозяина прибавляли «-ова». Прежняя идентичность Фредовой стирается вместе с именем, когда ее перевоспитывают в служанку. Отныне она собственность Фреда. Однако превращение во Фредову мало чем отличается от превращения в «миссис Джон Смит», как и сегодня пишут в приглашениях на светские мероприятия. В конце 1960-х годов активистка Шейла Майклс активно боролась против статуса «мисс» или «миссис» и за утверждение «статуса женщины, которая не принадлежит мужчине». Она добилась своего. Благодаря журналу *Ms***, учрежденному в 1971 году, слово «миз» за одно поколение из диковинки превратилось в языковую норму.

Нравы Республики Гилеад в «Рассказе служанки» могут шокировать, но то, что женщины, имеющие карьеру и банковский счет, с такой готовностью стирают самый очевидный знак своей идентичности — имя, шокирует еще сильнее. А ведь многие даже считают это романтичным. «Мы единый организм», — читаю я в какой-то статье. И это — *его* организм. В странах, где придерживаются английских правил присвоения имен, женщина берет фамилию супруга — и стирает собственную семейную историю, свою прежнюю жизнь и обнуляет результаты поиска в *Google*. Женщин сложнее найти и в приходских книгах, и в исторических документах. Порой

* Но это неудачное решение, если девица Стоянова выходит замуж за мужчину по фамилии Каяк.

** Американский феминистский журнал, который предложил новую форму обращения к женщине «миз». В ней не фиксируется семейное положение той, к кому обращаются

все, что от них остается, — лишь фамилия супруга: «миссис Смит», «миссис Таннер», «миссис Картрайт».

Есть и другие следы того, как брак стирает идентичность женщины. При регистрации брака вам задают вопрос о профессии отца — но не матери. В свидетельстве о браке есть строки для данных об отце — но не о матери. Дети матерей-одиночек и лесбиянок оставляют эти графы пустыми. Мы с мужем отказались вписывать туда одного родителя. Секретарь выглядел уязвленным, но вынужден был согласиться*. Конечно, это уже никого не удивляет, поскольку распространено повсеместно. Но, по сути, «миссис Икс» — это просто еще один вариант Фредовой. Одна из сложнейших задач феминизма — показать, как традиция извращает наше представление о вещах и заставляет считать, что текущая политика обусловлена естественными и нерушимыми законами.

Идея о том, что «покрытая» женщина (*feme covert*) в юридическом смысле — просто придаток мужа наряду с детьми, звучит строго викториански. Но последствия ее ощущались много позже и не ограничивались регистрацией браков. Моя мать, которая в 1970-е годы была слишком занята кухней и пеленками, чтобы включаться в какую-либо политическую активность, рассказывала, как она разозлилась, обнаружив, что ее детей могут вписать только в паспорт отца. В Великобритании эту проблему решили в 1998 году, выдав детям отдельные паспорта, но даже сегодня к женщинам, у которых дети носят другую фамилию, на границе порой относятся с подозрением.

Впрочем, если вы сменили фамилию и чувствуете, что мои слова несправедливы, — поверьте, я не считаю вас пло-

* В 2018 году Закон о регистрации брака был принят в первом чтении в палате общин. Цифровая регистрация брака давала бы возможность вписывать имя матери. Дальнейшее прохождение законопроекта было заблокировано в связи с роспуском парламента перед всеобщими выборами в 2019 году.